

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.28>

Фролов Александр Андреевич

СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВАЦИЯ В СИТУАЦИИ БИОПОЛИТИКИ: ФУКО, РАНСЬЕР

Статья посвящена рассмотрению идей М. Фуко относительно субъекта и субъективации, изложенных им в его последних лекциях в Колеж-де-Франс. Цель данной работы - раскрыть понятие субъективации в ее отношениях с субъектом, изучить современные подходы к прочтению концептов свободы, биовласти и сопротивления в позднем творчестве М. Фуко и проанализировать философский проект Ж. Рансьера "Несогласие" как один из путей субъективации человека. В ходе исследования выясняется, что, проблематизируя этику как дисциплину, по сути своей универсальную, Фуко путем критической аналитики пытается изменить текущий концепт субъекта и старается открыть для него выход к процессу освобождения. Ситуация "несогласия" Рансьера представляет собой один из современных путей субъективации в ситуации биополитики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/28.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 156-163. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

оказывается действенным, ведь немалое количество стран, где особенно сильны традиции и власть религии, активно тормозят глобализационные процессы, заставляя проводить их адаптацию под реалии этих обществ. Продолжая идеи Дебора, Келлнер доказывает наличие следующей эволюционной стадии «общества спектакля», в которой главная роль отдана массмедиа как адептам внедрения универсальной потребительской модели на фоне всеобщей политической деидеологизации.

Список источников

1. **Василовская Е. А.** Антиконтюмеризм как уловка «общества спектакля» // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 12. С. 286-291.
2. **Дебор Г.** Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 185 с.
3. **Кравченко В. В.** От идеологии к идеопрактикам: социально-философский дискурс в эпоху плюрализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2013. № 2. С. 85-87.
4. **Михайленко С. Б.** «Спектакль» и «медиаспектакль»: философские модели анализа современного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2012. № 4. С. 25-31.
5. **Gilman-Opalsky R.** Spectacular Capitalism. Guy Debord and the Practice of Radical Philosophy. N. Y.: Minor Compositions, 2011. 134 p.
6. **Kellner D.** Critical theory today: Revisiting the classics // Theory, Culture and Society. 1993. Vol. 10. P. 43-60.
7. **Kellner D.** Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics between the Modern and the Post-modern. L.: Routledge, 1995. 191 p.
8. **Kellner D.** Mediaspectacle. N. Y.: Routledge, 2003. 208 p.
9. **Kellner D.** September 11, Spectacles of Terror, and Media Manipulations: A Critique of Jihadist and Bush Media Politics // Logos. 2003. Vol. 2. № 1. P. 92-95.
10. **Kellner D., Best S.** The Postmodern Adventure: Science, Technology, and Cultural Studies at the Third Millennium. N. Y.: Guilford Press, 2001. 163 p.
11. **Talbot M.** Media Discourse: Representation and Interaction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 198 p.

ROLE OF DOUGLAS KELLNER'S MEDIA SPECTACLE IN THE STRUCTURE OF THE MODERN MASS SOCIETY

Stoyan Arsen Aleksandrovich
Murmansk State Technical University
stoyan.arsen@mail.ru

The article analyses the contribution of D. Kellner, a representative of the “third generation” of Frankfurt school, to the development of critical theory of society. Influenced by Guy Debord, Kellner considers the modern society as a subsequent stage of the “society of the spectacle” when gamification in interpretation of events depends on how they are represented by media personalities. The philosopher defines this system as a “media spectacle”, which serves as a link between authoritative structures and the population. The mass media provide apportioned information seeking to control the society and to form public opinion.

Key words and phrases: media spectacle; mass human being; society of spectacle; representation; information redundancy; critical theory of society.

УДК 171; 123.1; 130.122

Дата поступления рукописи: 21.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.28>

Статья посвящена рассмотрению идей М. Фуко относительно субъекта и субъективации, изложенных им в его последних лекциях в Колеж-де-Франс. Цель данной работы – раскрыть понятие субъективации в ее отношениях с субъектом, изучить современные подходы к прочтению концептов свободы, биовласти и сопротивления в позднем творчестве М. Фуко и проанализировать философский проект Ж. Рансьера «Несогласие» как один из путей субъективации человека. В ходе исследования выясняется, что, проблематизируя этику как дисциплину, по сути своей универсальную, Фуко путем критической аналитики пытается изменить текущий концепт субъекта и старается открыть для него выход к процессу освобождения. Ситуация «несогласия» Рансьера представляет собой один из современных путей субъективации в ситуации биополитики.

Ключевые слова и фразы: субъективация; биовласть; истина; субъект; несогласие; экзистенция; власть; дискурс.

Фролов Александр Андреевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Frolov24@icloud.com

СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВАЦИЯ В СИТУАЦИИ БИОПОЛИТИКИ: ФУКО, РАНСЬЕР

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00826 А «Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики: сравнительный анализ полемических дискурсов».

Введение

Заданная Хайдеггером тенденция на преодоление классической субъективности, действующей в западной философии, положительно воспринятая французскими послевоенными философами, тем не менее нуждалась

в определенных корректировках. Поставив вопрос о подчинении судьбе бытия, Хайдеггер не решает окончательно проблему пассивности присутствия, на что неоднократно указывали и указывают современные авторы: «Это ужасный тупик: если ты принимаешь хайдеггеровскую “деконструкцию” метафизики субъективности, не подрываешь ли ты тем самым самую возможность философски обоснованного демократического сопротивления тоталитарным ужасам XX столетия?» [5, с. 33]. Этим же вопросом был озадачен Фуко. С середины 1970-х годов до самой смерти он стремился развить мысль о субъекте, которая бы позволила преодолеть как его пассивность, так и его сартровскую ничем не ограниченную свободу. Последние интуиции Фуко были сосредоточены на поисках новой этики «себя». Они основываются на возможности формирования подвижного субъекта, отвечающего на вызовы и вопросы, которые ставят перед человеком постсовременность и диспозитивы второй половины XX века.

Мишель Фуко переосмысливает концепт¹ человека как существа, обладающего здесь-бытием, поскольку у него само это последнее задается существующей сетью отношений, возникающих в пределах контекста дискурсивных практик. Субъект Фуко обладает свободой, которая не формируется властными отношениями, а наоборот, является условием их возможности [17]. С одной стороны, поиск необходимости свободы для субъекта в работах мыслителя сопряжен с его интенцией обосновать присутствие человека как свободного существа, не отдавая всю власть над его волей в распоряжении внешних по отношению к субъекту сил. С другой стороны, свобода как обреченность человека на свободу, заявленная Сартром, также не может его удовлетворить.

Таким образом, Фуко стремился описать отношения человека к истине, которые могут проявляться через процессы активной и пассивной деятельности субъекта, его субъективацией и объективацией.

Теоретическая деятельность Фуко на протяжении всей его жизни всегда была тесно сопряжена с его практической, социальной деятельностью. Как правило, как раз такая социально-политическая практика предшествовала его исследовательским работам. После периода исследований научных дискурсов и пенитенциарных систем Фуко переходит от борьбы с реальными субъектами власти к борьбе с ее техникой, которая исходит уже не от конкретного социального актора, а пронизывает все уровни социального взаимодействия. Такую форму власти он называет биовластью. Она включает в себя определенные аспекты дисциплинарной власти. Если дисциплинарная власть связана с действиями государственных структур, то биовласть шире, и ее предметом является реальная телесная жизнь индивидов, а не только их фактическая социальная деятельность. Она связана с управлением смертями, воспроизводством, болезнями и удовольствиями. Биовласть – это «власть над жизнью», дисциплинарная – контроль над территорией и исполнением законов на заданной территории.

Актуальность данного исследования задана не только желанием создать новое прочтение М. Фуко, количество которых продолжает увеличиваться, начиная со смерти философа и до наших дней, но в большей степени сделать хайдеггеровский *Schritt zurück* (шаг назад), позволяющий посмотреть, как в нашем времени воплощаются идеи Фуко о свободном обществе, можно ли с уверенностью назвать современного западного человека свободным, или же его место обитания все больше принимает форму паноптикума?

Научная новизна данной статьи обусловлена рядом факторов, наиболее важными из которых можно назвать:

1. Обращения к ведущим зарубежным источникам, переводы которых в России отсутствуют: Т. Дамм, Э. Тайеб, журнал “Labyrinthe”.
2. Обращение к концепту субъективации, осмысление которого лишь набирает актуальность в связи с публикациями последних лекций Фуко в Колеж-де-Франс.
3. Анализа концепта НЕСОГЛАСИЕ Ж. Рансьера через призму проекта М. Фуко.

Цель данного исследования – прояснить суть процесса субъективации, артикулируемого М. Фуко в своих последних курсах лекций, и их роль в самопроизводстве и подчинении субъекта в ситуации биовласти.

Задачи данного исследования:

- проследить продолжение идей и интенцией М. Фуко в работах современных мыслителей;
- проанализировать работы зарубежных авторов, занимающихся исследованиями концепта свободы М. Фуко;
- провести анализ инструментов сопротивления субъекта властным дискурсам. Выделить и разобрать концепты свободы и практик себя в позднем творчестве Фуко.

Концепт биовласти

Концепт биовласти явным образом артикулируется в философии Фуко, начиная с 1976 года, и одной из причин этому послужила смерть фашистского диктатора Франко [4, с. 294]. Несмотря на смерть суверена, его власть продолжала существовать, и это уже никак не вписывалось в концепт дисциплинарной или пастырской власти. Такую власть над жизнью мыслитель называет биовластью, в этих отношениях уже нет пространства свободы, которое государь оставляет подданному. Главное требование этой власти – это безопасность, то есть полный контроль над населением, включая предотвращение вероятностных событий, а значит включение не только наказания в аппарат власти, но и включение в него профилактик преступлений. Биовласть не распространяется на определенную территорию, она призвана контролировать население. На примере устройства Парижа в Новое время Фуко демонстрирует, в чем различие между дисциплинарным

¹ Здесь и далее под «концептом» будет пониматься понятие, о котором говорится в книге Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?». А именно: «Концепт – это событие...»; «Концепт определяется как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» [2, с. 14].

отношением к устройству города и устройству города с точки зрения безопасности: «...дисциплинарность сооружает пространство, заботясь в первую очередь о субординации элементов в их функциональном взаимодействии, безопасность ориентирована на обустройство среды в связи с событиями, точнее говоря, сериями событий, или возможных элементов, – сериями, которые нужно упорядочить в неоднозначных по своей природе и изменчивых условиях. Пространство, характерное для безопасности, отсылает, стало быть, к последовательности возможных событий, оно обращено к временному и случайному, и эти временное и случайное должны быть вписаны в него» [8, с. 38]. Как мы видим, задача – не только проанализировать то, что происходит, но и составить прогноз того, что произойдет. Достижение такой безопасности, способной поддерживать курс власти к нормализации общества, достигается за счет множества индивидов. Это множество включает в себя маргиналов, меньшинств и социальных групп, которые не вписались в рамки заданные властью. Соответственно, главную цель своей заботы власть видит в населении: «Множественность имеет отношение к делу лишь как инструмент, средство или фактор достижения некоторого результата на уровне населения» [Там же, с. 69].

Процесс выделения из однородного общества населения и остальных социальных множеств приводит к возникновению нового коллективного субъекта, который не существовал до этого. Этот субъект выделяется по границе, которую проводит государство: выделяя население как объект своей заботы, биовласть инициирует разделение общества на «свой – чужой», где статус «свой» присваивается населению, о котором ведется забота, а «чужими» именуется все остальные социальные группы, не вписываемые в рамки «нормальности».

Интересно заметить, что для Фуко населением можно стать, лишь добровольно подчиняясь логике и директивам властей, воспринимая окружающие обстоятельства как данность. Процесс сопротивления или действия, противоречащие задумкам властей, делают из населения народ: «Властям, в своих управленческих усилиях ориентированным на население, на его уровень, народ демонстрирует, что в состав этого коллективного субъекта-объекта, каким оно является, он не входит, что он располагается вне него; и, стало быть, народ образуют люди, которые, отказываясь быть населением, разлаживают систему» [Там же, с. 70]. В отличие от дисциплинарной власти, устройство безопасности позволяет таким вещам случаться, потому что и они включены в ее систему вероятностей, и более того, именно благодаря таким фактам, как отклонение от нормы, устройство безопасности и существует. Ситуация биовласти сочетает в себе аспекты пастырской и дисциплинарной власти. При этом пастырская проявляет себя как экзистенция субъекта в философии Кьеркегора: механизм биовласти устроен так, что она ставится в единичное отношение к абсолюту, она может не приниматься «народом», но это неприятие создает поле для роста и расширение этой экзистенции на новое множество индивидов. Как рыцарь веры Серена Кьеркегора не может найти понимание у толпы, не ведающей истины, так и биовласть, существующая благодаря населению, априорно воспринимающему действительность, находит подтверждение своей правоты, сталкиваясь с сопротивлением со стороны «народа».

Концепция сопротивления претерпела глубокий сдвиг в работе Фуко, и причина может быть найдена в фундаментальном изменении концепции самой власти. Ранние сочинения Фуко опираются на концепцию «стратегической силы». Он определяет это как процесс непрерывной, имманентной борьбы в различных разновидностях социальных отношений (экономических, научных, педагогических, сексуальных и т.д.). Власть здесь понимается как борьба между всеми видами преднамеренных доминирующих сил, которые пытаются создать и поддерживать определенный общественный порядок. Отношения власти связаны с тем, что господство одной силы сопротивляется осуществлению другой. Сопротивление в этом случае не против власти, а неотъемлемая часть ее.

Возникает следующий вопрос: способен ли субъект к самовоспроизводству своей идентичности и выходу за рамки властных отношений, или же он является лишь местом, где разворачиваются властные отношения различных дискурсов?

Фуко чутко улавливал тенденции к устройству безопасности, «паноптику» и понимал, какую силу кроет в себе знание. В такой ситуации ставится вопрос о человеке, о его статусе в этом мире. В ранних исследованиях все карты ложатся против субъекта как активного начала. Создается впечатление, что человек полностью конструируется дискурсами. Но если ситуация такова, уже не может идти речи о свободе как об онтологическом статусе возможности. Без возможности предоставить человеку подлинность сам факт того, что человек – это пассивный претерпевающий субъект, для Фуко был неприемлемым. Выход из этого положения кроется в понятиях власти и управления. Каким образом человек управляет другими и как он управляет собой?

В 1982 г. Фуко придерживался концепции, что любое проявление власти, даже власти «субъекта» над самим собой, достойно борьбы и сопротивления: «Существует два смысла слова “субъект”¹: субъект, подчиненный другому через контроль и зависимость, и субъект, связанный с собственной идентичностью благодаря самосознанию или самопознанию. В обоих случаях это слово имеет в виду форму власти, которая поработает и угнетает» [13, с. 168]. Скорее всего, в этом пассаже не идет речи о безвыходности положения субъекта, иначе идея сопротивления была бы абсолютно бессмысленной, но здесь мы видим, как Фуко делает различие дисциплинарной власти и биовласти. Если в дисциплинарной власти человека поработает контроль и подчинение со стороны «другого», то в биовласти контроль и управление за собой осуществляет уже сам субъект, причем логика такой формы управления заключается в том, что субъект делает это через самопознание и самосознание. Биовласть как дитя середины XX века уже не нуждается в целенаправленных инструментах поработки субъективности, которыми пользовалась дисциплинарная власть. Несомненно,

¹ В переводе добавлено, что на русском будет переводиться скорее как «подданный».

эти инструменты органично встроены в ее систему, но главную роль играет реликт «пастырской власти», дошедший до нас как наследие христианской Европы.

Пастырская власть не ограничивается поддержанием порядка в обществе. Основная функция пастыря – наблюдать, следить за своей паствой. Последняя, в отличие от суверена и подданных, не может быть отделена от него, и в этом смысле не только паства может принести себя в жертву ради пастыря, но и сам пастырь, верховный наблюдающий, готов принести себя в жертву ради своей паствы. Это не единственный парадокс, связанный с пастырем. В христианских писаниях прослеживается мысль не только о жертве пастыря во благо всего стада, но и жертве всего стада ради одной овцы. Фуко отмечает: «...идея пастырской власти – это идея власти, направленной скорее на множество, чем на территорию. Это власть, ведущая к некоторой цели и служащая посредником на пути к этой цели» [8, с. 141].

Если в христианстве цель ясна – это рай, жизнь во Христе, то в ситуации биовласти телос не отдален от жизни индивида. Теперь такой целью выступает забота о теле индивида: здоровье, удовольствие, питание, безопасность. Властные отношения, обладающие всепроникающим действием, хотят привести современное население к нормализации жизни – это одно из главных требований безопасности. Если местом действия дисциплинарной власти является тело человека, то биовласть претендует на досмотр души и намерений.

Такой превратно-тоталитарный дискурс способствует развитию как механизмов прямого принуждения, так, что является еще более опасным для субъекта, и механизмов скрытого порабощения и угнетения. Вернемся к феномену «двойного политического принуждения»: «Без сомнения, основная цель сегодня – не обнаруживать, но отвергать то, чем мы являемся. Нам следует вообразить и построить то, чем мы могли бы стать, если мы хотим избавиться от той разновидности “двойного политического принуждения”, которое складывается из одновременной индивидуализации и тотализации структур современной власти» [13, с. 174].

В этом тезисе о преодолении границ самих себя, несмотря на его очевидный политический посыл, проявляется интенция, которая будет занимать Фуко последние несколько лет перед смертью. Тогда, к концу жизни, он сможет охватить все свое творчество и попытаться найти смысл и предназначение своего вклада как в философию, так и рассмотреть свое творчество как автобиографию, которая ждет заключительной главы.

Концепт свободы Фуко

Для анализа концепта свободы в творчестве Фуко и дальнейшем сопоставлении роли свободы в процессе субъективации стоит обратиться к одному из ведущих американских специалистов, занимающихся исследованиями философии Мишеля Фуко.

Американский философ Томас Дамм широко обсуждает идею свободы Фуко. Он использует две концепции свободы Исая Берлина: либеральную свободу как точку отсчета, которой он противопоставляет понятие свободы Фуко [14, р. 118]. Дамм подчеркивает различие между Берлином и Фуко в их концепциях пространства и их отношения к свободе. Дамм указывает, что Берлин начинает с либерального понятия нейтрального пространства, которое можно разделить на публичное и частное, и от идеи, что люди воплощают «естественный статус» (*natural status of humanity*). Фуко же, говорит Дамм, раскрывает как случайность и открытый характер социальных агентов, так и пространство, в котором они живут, показывая, как «качество воображения в данном обществе тесно связано с внешней организацией пространства этого общества» [16, р. 172]. Критика Берлина у Дамма представляется оправданной. Нельзя не оценить его попытку подчеркнуть понятие пространства у Фуко. Тем не менее по многим причинам его интерпретация свободы у Фуко вводит в заблуждение и в конечном итоге порочна.

Дамм говорит своим читателям, что «Надзирать и наказывать» [11] – это книга о практике свободы и условиях, которые влияют на эти практики в современную эпоху. Книга, которая устанавливает повестку дня для раскрытия не только условий нашей пассивности, но и условий нашей свободы. Цитируя Фуко, он утверждает, что механизмы власти создают «нормализацию» [16, р. 101-102], но предполагает, что дисциплинарный приказ, тем не менее, всегда остается неполным. Именно потому, что дисциплина всегда не завершена, свобода не подлежит сомнению (идея напоминает отрицательную свободу Берлина) [Ibidem, р. 108]. Для Дамма свобода зависит от неполноты дисциплины и отождествляется с отсутствием дисциплины. Например, Дамм предполагает, что правонарушитель «близок к тому, чтобы быть символической фигурой свободы», которая ставит наиболее элементарный аспект свободы на обочине социального порядка, который утверждает свободу как ее самое важное значение. Это, по его словам, способствует «обнищающему политическому воображению в отношении свободы», для него это означает маргинализировать и выделить самые свободные элементы в обществе [Ibidem, р. 111-112]. Раджман, который также писал по этому вопросу, не согласен с этим. Он говорит: «Фуко выдвигает новую этику: не этику трансгрессии, но этика постоянного отстранения от сформированных форм опыта, освобождения себя от изобретений новых форм жизни» [Ibidem, р. 37].

Дамм делает интересные наблюдения, но не раскрывает принципиального различия между Фуко и Берлином. В отличие от Фуко, Берлин рассматривает свободу как волю субъекта, то есть свойство, которое может быть ограничено (отрицательная свобода) или усилено (положительная свобода). Фуко, вероятно, сказал бы, что, используя слово «свобода» в названии главы и книги, Берлин принимает какой-то эссенциалистский характер свободы, который должен быть освобожден. Чтобы понять поздние труды Фуко, период, который часто в англоязычной литературе называется «этическим», полезно читать Фуко через Хайдеггера и в меньшей степени через призму Сартра. Стоить заметить: мы не утверждаем, что Фуко стал хайдеггианцем в последние годы; у него была своя повестка дня, идеи и инновации. Тем не менее прочтение поздних работ Фуко через Хайдеггера помогает сделать его мысли более последовательными. Следует отметить, что в своем

последнем интервью Фуко заявил: «Для меня Хайдеггер всегда был важным философом». Несколько предложений позже он добавляет: «Все мое философское развитие было определено моим чтением Хайдеггера. Тем не менее я признал, что Ницше перевесил его» [19, р. 158]. Существует значительная литература, в которой обсуждается связь между Фуко и работами Хайдеггера. Нейл Леви указывает, что большая часть этой литературы посвящена критике Фуко Хайдеггера в «Порядке вещей» и его отношениям с ранним Хайдеггером.

Фуко, особенно в своих более поздних работах, не считает свободу собственностью, которая может быть экспроприрована у человека, а скорее считает ее условием возможности. Именно такая возможность и выводит нас к полю игры субъекта и власти, и для этого стоит чуть ближе разобрать понятие власти и управление у Фуко: «Оно (понятие “управления”, взятое в широком смысле. – А. Ф.) соответственно позволяет ввести в политическую мысль вопрос об этическом субъекте и практике себя, который предполагает, что отношения власти имеются только там, где существует определенная игра свободы; поле осуществления этой свободы может, естественно, изменяться, но при любых изменениях оно остается реальным как в случае, когда речь идет об инициативе, так и в ситуации сопротивления». В этом отношении Фуко, не колеблясь, настаивал на своем «постулате абсолютного оптимизма» [6]. Ж. Делёз так охарактеризовал смысл всей проделанной Мишелем Фуко работы, которая, как мы считаем, раскрывается именно в позднем периоде: «... писать – это бороться и сопротивляться, писать значит становиться, писать – это нарисовать карту» [15, р. 44]. Видно, что аналитика властных дискурсов выступает для М. Фуко инструментом сопротивления и «заботой о себе» на современном этапе.

Мыслитель предлагает рассмотреть понятие власти в контексте переплетений отношений между субъектами: индивидами, социальными группами, классами. Слово «власть» используется для удобства, под ним не мыслится субстанция, возникающая в обществе, это всегда мобильные формы отношений между вышеупомянутыми субъектами. Широкий смысл понимания власти показывает, что политическое – лишь частный случай власти. Гораздо важнее обнаружить «21 ядро» власти в субъекте, то, что позволяет субъекту заниматься управлением собой и управлением другими. То, что культивируется практиками себя в античном мире.

Практики себя

«Познай самого себя» – одна из ключевых точек разворачивания большинства философов, работающих с понятием субъекта. В ней сплетены воедино область познания субъектом истины и область познания субъектом самого себя. Фуко актуализировал тесную связь «познай себя» и «заботы о себе». Начиная с Сократа, по дошедшим до нас источникам от Платона и «Воспоминаний» Ксенофонта, тема «познай себя» начинает артикулироваться в философии и при этом довольно часто сопряжена с предписанием «позаботься о себе». Фигура Сократа, описанная в «Апологии», в одном из диалогов Платона, показывает нам его как человека, чье божественное предназначение кроется в призвании других людей позаботиться о себе. Фуко определяет сократовскую заботу о себе так: «Забота о себе – это что-то вроде жала, которое должно войти в человеческое тело, вес время напоминать о себе, зудить, не давать покоя» [9, с. 20]. Иными словами, забота о себе всегда сопряжена с экзистенциальным напряжением, «сбором души» и, можно предположить, сборкой индивида своей субъективности. Этой же позиции придерживается А. В. Дьяков, разграничивая два процесса формирования субъекта: «Термин “субъект” у Фуко употребляется в двух значениях, причём оба связаны с “производством”: во-первых, индивида *производят* в качестве субъекта, т.е. контролируют и ставят в зависимость; во-вторых, индивид сам *производит себя* в качестве субъекта, проявляя “заботу о себе”» [3, с. 45]. У профессора Дьякова, значимого специалиста в области исследований философии Фуко и проблемы субъекта в XX веке в России, мы видим оптимистичный взгляд на работы французского интеллектуала. Субъект всегда находится в становлении, никогда не завершённом творении, и это становление может быть как процессом, исходящим из воли самого субъекта, так и быть навязанным извне. Если обратиться к философии Ницше, последователем которой не раз называл себя сам Фуко, мы получим, что в первом случае мы имеем дело с «господином», который формирует себя как субъекта, исходя из своей воли: его управление направлено на него самого, и уже после оно способно разворачиваться на других субъектов, то есть управлять другими. Именно к этому и готовил Сократ Алкивида. В словах «позаботься о себе» имелось в виду, что перед тем как управлять городом, Алкивид должен научиться управлять собой. Такое управление достигается целым набором практик, которые в большинстве случаев суть также и упражнения, и им в истории западной культуры, философии, морали, духовности суждена очень долгая жизнь. Это, например, техники медитации, техники обращения с прошлым, техники досмотра сознания [9, с. 23].

Исследование таких практик говорит нам о смещении ракурса рассмотрения проблемы субъекта: «...если в ранних работах Фуко рассматривал пассивное складывание субъекта в психиатрической, медицинской вообще или тюремной системах, то Фуко позднего интересует прежде всего активное конституирование субъекта через практики “самости”. Эти практики, конечно, индивид не изобретает сам, но находит в своей культуре. Однако это вовсе не означает несвободы субъекта. А то, что отношения власти пронизывают все социальное поле, означает, что свобода повсеместна» [3, с. 46], – замечание профессора Дьякова, демонстрирует нам, к какому выводу он приходит, анализируя общую логику исследования Фуко. Но при этом, возникают новые вопросы:

1. Несмотря на повсеместность властных отношений, мы всегда находимся в свободном поле выбора. Если довести эту идею до логического конца, то власть этих внешних сил над человеком тотальна¹. Но потому как властные отношения или дискурс власти ризоматичны, субъект способен совершать свободный

¹ Так как наша жизнь не имеет опыта потустороннего или «негативного» в диалектическом смысле этого слова, мы имеем лишь позитивность, то есть конструируем себя из того, что нам уже дано.

выбор. Возникает вопрос о том, на основании чего мы говорим о полной свободе, а не о полной детерминации воли субъекта в сети властных отношений?

2. Другая проблема связана с отношением субъекта и истины и отличием истины от диспозитивов¹. Каким образом субъект конструирует *себя*, а не воспроизводит матрицу социальных ролей, заданных им дискурсивными практиками? Где эта точка опоры самости и начала чистого духовного опыта?

Первый вопрос ведет нас к пониманию положения субъекта в философии Фуко, а ответ на второй вопрос будет требовать раскрытия концепта истины и его связи с субъектом. Эти вопросы взаимосвязаны также как дельфийское предписание «познай *себя*» и Сократовское наставление «позаботься о *себе*». По нашему мнению, ответ стоит искать в концепте НЕСОГЛАСИЕ Рансьера.

Жак Рансьер, самобытный мыслитель с оригинальной философской позицией, чье творчество выстраивается не на основе продолжения философских линий его предшественников, а разграничения с ними путем «кантовской» критики. Сложно определить Рансьера как философа определенного направления, да и сам он не склонен примыкать к каким-либо традициям, гораздо чаще в его текстах можно встретить разграничение позиции автора от идей других мыслителей. В своей книге «Несоогласие» Рансьер предпринимает попытки определить феномен политики и вместе с тем раскрыть тему, в каком статусе субъект способен вступать во властные отношения. Ситуация «несоогласия», описываемая философом [7], демонстрирует нам 3 линии поведения субъекта в пространстве политического:

1. Субъект как господин.
2. Объективированный субъект.
3. «Несоогласный» субъект.

В первом случае мы имеем дело с процессом субъективации, когда логос человека, примыкающий к «управляющей» социальной группе или возглавляющий ее, имеет природу закона, определяющего социальную действительность.

Во втором случае субъект причастен к производству этого логоса постольку, поскольку его экзистенциальное существование совпадает с экзистенцией «господина». В крайнем случае человек не обладает индивидуальностью, все его персональные переживания спрятаны глубоко в бессознательном, и он ощущает себя лишь частью чего-то большего, чем он сам: частью государства, общины, господина.

В третьем случае субъект включается в процесс политики. Политика, понятая Рансьером как ситуация «несоогласия», характеризуется осознанием человеком отсутствия основания его идентичности в мире. В этом случае субъект осознает свою самость и осознает ее как не вписанную в картину мира. Его логос присутствия в нем, но отсутствует в социальном. Этот процесс можно назвать процессом становления субъективности, если в первом случае истина обретена и успешно распространена на других индивидов, то в этом случае экзистенция лишь претендует на признания своей истинности. Рансьер пишет об этом как о желании быть услышанным, желании стать сопричастным общественным отношениям в качестве полноценного субъекта.

Субъект, находящийся в пространстве подлинной политики, а не управления, способен к нахождению идентичного духовного опыта и созданию личных отношений с Абсолютом, истиной. Примеры такого обращения мы можем увидеть в диалоге Платона «Алкивиад I», где Сократ представляет собой человека, насколько не сомневающегося в своем предназначении «будить» людей от сна повседневности, которого ведет даймон (истина). И Алкивиад, который не смог пройти *μετάνοια* до конца и понял лишь малую часть речей Сократа, не найдя себя, претерпел неудачи на политическом поприще Афин.

Таким образом, современное положение субъекта можно выразить как форму, всегда ускользающую от самотождественности. Важную роль в понимании субъекта у Фуко играет концепт сопротивления. Субъект сопротивляется быть схваченным в рамки понятий, сопротивляется стать определенным каким-либо образом, он вечно пытается избежать этого. И пока он способен на сопротивление, он существует. Именно поэтому Фуко пишет о конце «человека». Дело не в том, что субъект исчезнет навсегда, а в том, что картезианский субъект уже исчез. Ему на смену приходят другие концепты человека, которые отличаются от того, что было до него.

В итоге, можно сделать вывод, что субъект есть всегда историческо-номадический субъект, он возникает на пересечении дискурсов, но при этом его центр находится в поисках себя, ведомый причастностью к истине и желанию быть услышанным. Такая возможность к изменению и порождает ту вездесущую свободу среди властных отношений. Если же эти властные диспозитивы блокируются субъектом в отношении себя самого, мы получаем человека, обладающего господством над собой. Такое отношение господства хорошо описано в притче Достоевского «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы». В ней Великий Инквизитор показан как человек, который прежде чем управлять паствой полностью, овладел своими страстями и желаниями. Интересен факт параллели между повествованием Достоевского и текущим положением дел. Пастырь, описанный им, не верит в спасение, он верит, что свобода для человека – величайшее несчастье, и за счет своего самопожертвования (пожертвования загробной жизни) он ведет паству к безопасному существованию на этой земле, беря все грехи паствы на себя. За это он получает полный контроль над всем населением, над каждым индивидом в отдельности.

¹ Фуко обычно использует этот термин для обозначения различных институциональных, физических и административных механизмов и структур знаний, которые усиливают и поддерживают осуществление власти в рамках социального тела. Оригинальный французский термин “dispositif” представляется по-разному как «диспозитив», «инструмент власти» в исследованиях на русском языке или “apparatus” и “deployment” в переводе на английский язык работ Фуко.

Аналогичная ситуация складывается в ситуации биовласти. Субъект может существовать как субъект только в постоянном процессе становления себя, в обретении своей самости, в экзистенциальном состоянии рыцаря веры.

Свободный выбор человека – это выбор себя, это конструирование себя из не-до-бытия до полноценного бытия здесь и сейчас. Это возникновение субъекта, рождение, которое должно свершаться снова и снова. Совершение экзистенциального выбора, который меняет человека и вырывает его из прежней жизни, – это прорыв человека к бытию-становлению. Причины этому могут быть разные, но все они связаны с потерей, разрывом или переосмыслением связей субъекта с внешним миром. В итоге человек перестает быть пассивной частью мира, претерпевающего суету повседневности, и приближается к себе самому, открывает именно себя, начинает узнавать свое «Я», как сказал бы Кьеркегор, не по сарафану и башмакам, а Я как собственный проект. Если же вечная жизнь стоит под вопросом, то наличное существование мы способны изменить. Полнота присутствия в бытии открывает глаза человеку на себя и на дискурсивные практики эпохи, позволяет расправить плечи и бороться с угнетением со стороны враждебных практик принуждения, дышать воздухом свободы.

Разрыв цепей культуры совершается в философии Ницше. Фуко как его последователь показывает не только правильность этого решения, но и продуктивность. Он не говорит о том, что все теории субъекта до него вели нас к принуждению и угнетению, он говорит о том, что любая теория субъекта, если она претендует на всеобщность и окончательность, приводит нас к таким практикам порабощения. Борьба идет не с теориями как таковыми, а с пониманием явлений или теорий как универсального знания: «Одна из моих целей – показать людям, что много явлений и событий, образующих часть привычного для них пейзажа – то, что они считают универсальным, – представляют собой продукт некоторых отчетливо определенных исторических изменений» [10, с. 289].

По свидетельству Поля Вена, мыслитель поражался тому, как с позиции своего дискурса люди смотрели на те же вещи, которые сейчас нам кажутся совершенно иными. Вот один из примеров позиции Фуко: «И он никогда, ни единым словом, не осуждал самую абсурдную из доктрин, но излагал их все спокойно и не жалея времени, что было формой уважения. Ничто не тщетно, творения человеческого духа безусловно позитивны, ибо они существовали. Они так же интересны и примечательны, как творения Природы, показывающие, на что она способна: цветы, животные и т.д. Я и сегодня слышу, как Фуко с удовольствием, симпатией и восхищением рассказывает мне о святом Августине с его вечным изобилием идей – идей, очевидно, тем более ценных, что уже тем, как трудно в них поверить, они показывают, на что способен человеческий дух» [1, с. 52-53]. Историчность понятий как о субъекте, так и о других вещах показывает нам не изменчивый характер этих вещей, а их многогранность и полноту. Чем шире производится такой анализ, тем объективнее мы можем познавать ту или иную вещь.

В своей последней статье «Что такое Просвещение?» он четко формулирует способы сопротивления субъекта в ситуации биовласти: «Критическую онтологию нас самих нужно рассматривать, конечно, не как теорию, доктрину, даже не как совокупность постоянно накапливающихся знаний: нужно рассматривать ее как установку, как этос, философскую жизнь, где критика того, что мы есть, является одновременно историческим анализом пределов, которые нам поставлены, и попыткой их возможного преодоления» [18]. Своими работами поздний Фуко открывает путь эффективного сопротивления современным дискурсам власти, наставляя нас на вечный поиск и аналитику наших горизонтов, создавая возможность к возрождению духовности в условиях биополитики.

Заключение

Итак, подводя итоги этого исследования, мы можем сформировать следующие выводы об отношении субъекта с процессом субъективации: существование человека находится в постоянном становлении из не-до-бытия в бытие, человек еще не есть, и он должен посредством постоянного, усиленного напряжения, сопротивления власти создавать и удерживать свою экзистенцию.

Индивид становится субъектом в процессе сопротивления дискурсам. Наша свобода лежит в области аналитики пространства между субъектом и истиной. Абсолютная свобода недостижима по причине того, что мы находимся и живем в определенной культуре, говорим и мыслим посредством слов, априорных форм мышления, которые имеют под собой историческую основу. При этом человек способен достигать нового знания на основании поиска новых форм и переработки старого знания. Фуко настаивает на деконструкции классической метафизики, а именно картезианского рационального субъекта. Эта теория субъекта, как и любая теория, претендующая на универсальность и истинность, может соответствовать научной картине мира дискурса той или иной эпохи, но чаще такие теории используются в политических целях для репрессирования субъектов, выходящих за рамки социальных конструктов, произведенных биовластью.

Субъект Фуко всегда подвижен и способен к изменению. Если субъект остается в рамках определенных властных отношений, блокируется ими добровольно, через самопознание (субъективацию) или внешне, через дисциплинарные механизмы подчинения (объективацию), – такая ситуация называется положением господства. Для развития субъекта, для приведения в жизнь концепта заботы о себе необходима роль учителя, посредника, который будет направлять заботу человека на его субъективность, а не на внешние, эстетические составляющие его бытия.

В качестве ответа на вопрос об инструментах сопротивлению дискурса власти стоит отметить, что тотальная свобода не может быть реализована на практике в силу конечности и ограниченности человеческой

природы. Но при этом в ситуации «несогласия», о которой мы писали выше, субъект способен находить новые формы отношений как со своей самоидентичностью, так и объектами и феноменами внешнего мира. Раскрытие своей идентичности через практики себя и заявление о себе в социуме, по нашему мнению, рождает новые дискурсы, которые оказывают «ризоматичный» эффект на тоталитарные диспозитивы процессов объективаций. Тем самым, можно сделать вывод, что именно такие стратегии современного «сопротивления» дискурсам можно назвать наиболее успешными.

Список источников

1. Вен П. Фуко. Его мысль и личность / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2013. 195 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 288 с.
3. Дьяков А. В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» // Вестник истории и философии Курского государственного университета. Серия «Философия». 2008. № 2. С. 45-53.
4. Дьяков А. В. Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.
5. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
6. Мишель Фуко и Россия: сб. статей / под ред. О. Хархордина. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2001. 349 с.
7. Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия / пер. с фр. и прим. В. Е. Лапшицкого. СПб.: Machina, 2013. 192 с.
8. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
9. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
10. Фуко М. Истина, власть, самость // Фуко М. Интеллектуалы и власть: в 3-х ч. / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970-1984. С. 287-297.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. 403 с.
13. Фуко М. Субъект и истина // Фуко М. Интеллектуалы и власть: в 3-х ч. / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970-1984. С. 161-191.
14. Berlin I. Four Essays on Liberty. Oxford: Oxford University Press, 1969. 286 p.
15. Deleuze G. Foucault / transl. Sean Hand. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. 165 p.
16. Dumm T. Michel Foucault and the Politics of Freedom. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002. 200 p.
17. Emmanuel T. Individuation et pouvoir politique // Labyrinthe. 2005. № 22. P. 37-46.
18. <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nachala.txt> (дата обращения: 19.09.2019).
19. Levy N. The Prehistory of Archaeology: Heidegger and the Early Foucault // Journal of the British Society for Phenomenology. 1996. № 27. P. 157-175.

SUBJECT AND SUBJECTIFICATION UNDER BIO-POLITICS CONDITIONS: M. FOUCAULT, J. RANCIÈRE

Frolov Aleksandr Andreevich
Saint Petersburg University
Frolov24@icloud.com

The article considers M. Foucault's conceptions of subject and subjectification, which he formulated in his recent lectures at the Collège de France. The paper aims to reveal the concept of subjectification in its relation with a subject, to examine modern approaches to interpreting the concepts of freedom, bio power and resistance in M. Foucault's late works and to analyse J. Rancière's philosophical project "Disagreement" as one of the ways to subjectify a human being. It turns out that Foucault, considering ethics as a universal discipline and applying critical analysis, tries to transform the existing concept of a subject and to show him the way to freedom. J. Rancière's "disagreement" is one of the modern ways of subjectification under bio-politics conditions.

Key words and phrases: subjectification; biopower; truth; subject; disagreement; existence; power; discourse.